

ДОЧЬ СКУЛЬПТОРА

ЗЛАТОЙ ТЕЛЕЦ

Мой дедушка, мамин отец, был священником и читал проповеди в церкви перед королем. Однажды, еще до того как его дети, внуки и правнуки заселили нашу землю, пришел дедушка на широкий зеленый луг, окаймленный лесом и горами, отчего луг этот напоминал райскую долину, и только с одного конца долина выходила к морскому заливу, чтобы дедушкины потомки могли там купаться.

Вот дедушка и подумал: «Здесь стану я жить и размножаться, потому как это и есть воистину земля Ханаанская»¹.

Затем дедушка с бабушкой построили большой дом с мансардой и множеством комнат, и лестниц, и террас, а также просторную веранду и поставили повсюду и в доме, и вокруг дома белую деревянную мебель. А когда все было готово, дедушка стал садовничать. И все, что он сажал, пускало корни и размножалось — и цветы, и деревья, пока луг не начал походить на небесный райский сад, по которому дедушка и странствовал, окутанный своей окладистой черной бородой. Стоило лишь дедушке указать своей палкой на какое-нибудь растение, как оно начинало расти изо всех сил, да так, что кругом все только трещало, словно на него снисходило благословение. Дом зарос жимолостью и диким виноградом, а стены веранды сплошь покрылись мелкими плетущимися розами. В доме сидела бабушка в светло-сером шелковом платье и воспитывала своих детей. Вокруг нее летало так много пчел и шмелей, что жужжание их звучало словно далекие звуки органной музыки; днем сияло солнце, ночью шел

¹ *Ханаан* — древнее название территорий Палестины, Сирии и Финикии. Здесь: Земля обетованная, так как в Палестину, по библейскому сказанию, Бог привел евреев из Египта. — *Здесь и далее примеч. пер.*

дождь, а на альпийской горке с декоративными растениями обитал ангел, которого нельзя было тревожить.

Бабушка была еще жива, когда мы с мамой приехали, чтобы поселиться в западной комнате, где тоже стояла белая мебель и висели спокойные картины, но никаких скульптур не было.

Я была внучкой, Карин — другой внучкой, и ее украшали вьющиеся волосы и очень большие глаза. Мы играли на лугу в детей Израиля.

Бог жил на горе, над альпийской горкой, там, наверху, было болото, куда ходить запрещалось. На закате Бог отдыхал, распростершись и покоясь над нашим домом и над лугом в виде легкого тумана. Он мог сделаться совсем бесплотным и проникать повсюду, чтобы видеть, чем ты занимаешься, а иногда он превращался лишь в одно большое око. Вообще-то, он был похож на дедушку.

Мы роптали в пустыне и непрерывно были непослушными детьми, потому что Бог страсть как любит прощать грешников. Бог запрещал нам собирать манну небесную¹ под цветущим золотым дождем, но мы все равно ее собирали. Тогда он наслал червяков из земли, которые сожрали манну. Но мы все равно были по-прежнему непослушны и по-прежнему роптали.

Мы все время ждали, чтобы Бог сильно-пресильно разгневался и явился нам. Мысль об этом была всепоглощающей, мы ни о чем и ни о ком думать не могли, кроме как о Боге. Мы приносили ему жертвы, мы дарили ему чернику, и райские яблоки, и цветы, и молоко, а иногда он получал совсем немножко поджаренных на жертвенном костре животных. Мы пели ему и все время молили его подать нам знак, что ему интересно, чем мы занимаемся.

И вот однажды утром Карин явилась и сказала, что ей был подан знак. Он послал птицу-овсянку к ней в комнату, овсянка уселась на картину, где Иисус бредет по воде, и три раза кивнула головкой.

— Воистину, воистину говорю я тебе, — сказала Карин, — избранники Божьи всегда удостаиваются почестей.

Она надела белое платье и целый день ходила повсюду с розами в волосах и возносила хвалу Богу, отчего казалась ужасно не-

¹ *Манна небесная* — по библейской легенде, пища, падавшая с неба для израильтян, странствовавших по пустыне.

естественной. Она была красивее, чем когда-либо, и я ненавидела ее. Мое окно тоже было открыто. У меня висела картина с ангелом-хранителем у края бездны. Я зажгла несчетное множество жертвенных костров и собрала еще больше черники для Бога. Что же касается ропота, я была такой же непослушной, как Карин, чтобы удостоиться Небесного прощения.

Во время утренней молитвы на веранде у Карин был такой вид, словно дедушка читал проповедь только для нее. Она медленно, с задумчивой физиономией кивала головой. Она скрестила руки задолго до того, как стали читать «Отче наш». Она пела, упрямо устремив взгляд к потолку. После этой истории с овсянкой Бог принадлежал только ей одной.

Мы не разговаривали, а я прекратила и роптать, и приносить жертвы; я бродила вокруг и так ей завидовала, что мне становилось дурно.

В один прекрасный день Карин выстроила на лугу всех наших двоюродных сестер, даже тех, кто еще не умел говорить, и стала толковать им библейский текст.

Тогда я сотворила золотого тельца¹.

Когда дедушка был молод и садовничал изо всех сил, он кольцом насадил ели далеко-далеко внизу на лугу, так как хотел, чтобы у него была беседка, где можно пить кофе. Ели все росли и росли и превратились в громадные черные деревья, ветки которых сплелись между собой. В беседке всегда было темно, а хвоя опадала из-за того, что была лишена солнца, и ложилась на обнаженную землю. Никто не хотел больше пить кофе в еловой беседке, а охотнее сидел под золотистым цветочным дождем или на веранде.

Я сотворила своего золотого тельца в еловой беседке, потому что место это было языческим, а форма круга всегда хороша для того, чтобы установить скульптуру.

Очень тяжело было заставить тельца стоять, но в конце концов все получилось, и я крепко приколотила его ноги к цоколю — на всякий случай. Иногда я прекращала работу и прислушивалась, не раздастся ли первый глухой грохот — изъятие Божьего гнева. Но Бог пока ничего не говорил. И только огромный его

¹ *Златой телец*, или золотой теленок, — символ поклонения власти золота, денег, богатства.

глаз смотрел прямо вниз, в еловую беседку, сквозь просвет меж верхушками елей. Наконец-то я его заинтересовала.

Голова тельца получилась очень хорошо. Я работала с жестянками, тряпками и с остатками муфты и связала все это вместе шнуром. Если отойти немного и прищурить глаза, скульптура в самом деле излучала в темноте слабое золотое сияние, в особенности светилась мордочка тельца.

Я так этим увлеклась, что начала все больше и больше думать о золотом тельце и все меньше и меньше о Боге. Это был очень хороший золотой телец. Под конец я обложила его кольцом из камней и собрала жертвенный костер из сухих веток.

Только когда жертвенный костер был готов и оставалось лишь зажечь его, меня снова начал одолевать страх, и я застыла на месте, прислушиваясь.

Бог молчал. Быть может, он ждал, когда я вытащу спички. Он хотел увидеть, осмелюсь ли я в самом деле свершить неслыханное — принести в жертву золотого тельца и даже сплясать после этого. И тогда он спустится вниз со своей горы в облаке молний и небесных кар и покажет: он заметил, что я существую. А потом Карин может заткнуться со своей дурацкой птичкой-овсянкой и со всей своей святостью и черникой!

Я все стояла и прислушивалась, прислушивалась, а тишина все росла и росла, пока не стала абсолютно всеобъемлющей. Все кругом прислушивалось. Это было позднее послеполуденное время, и немного света проникало сквозь живую еловую изгородь и окрашивало ветви багрянцем. Златой телец смотрел на меня и ждал. Ноги мои начали неметь. Я шла задом наперед к просвету меж елями и все время смотрела на золотого тельца; стало светлее и теплее, и я подумала, что на цоколе можно было бы сделать надпись.

За живой еловой изгородью стояла бабушка, на ней было ее красивое серое шелковое платье, а прибор на голове — прямой, как у ангела.

— В какую игру ты играла? — спросила она и прошла мимо меня.

Она остановилась, посмотрела на золотого тельца и улыбнулась. Притянув меня к себе и рассеянно прижав к прохладному шелку платья, она сказала:

— Нет, только погляди, что ты сотворила. Маленького ягненка. Маленького агнца¹ Божьего.

Потом она отпустила меня и медленно двинулась вниз лугом.

Я осталась на месте, и глазам моим стало жарко, а почва ушла из-под ног, и Бог снова переселился на свою гору и успокоился. Она даже не увидела, что это теленок! Ягненок, боже мой! Меньше всего он похож на агнца, ничего подобного!

Я все смотрела и смотрела на своего теленка, и бабушкины слова стерли с него все золото, и ноги были уже не такими, и голова — не такая, и уж если он вообще походил на кого-нибудь, то как раз на ягненка. Он был нехорош. И ничего общего со скульптурой в нем не было.

Я влезла в шкаф, где хранилась всякая всячина, и сидела там очень долго и все думала. Потом я нашла в шкафу мешок и, надев его на себя, отправилась на луг, где стала ходить вокруг Карин, волоча ноги: колени мои были согнуты, а волосы падали на глаза.

— Что случилось? — спросила Карин.

И я ответила:

— Воистину, воистину говорю я тебе: я — великая грешница.

— Ого! — сказала Карин.

Я видела, что слова мои внушили ей уважение.

А потом мы опять, как обычно, были вместе и лежали под золотистым цветочным дождем и шептались о Боге. Дедушка ходил вокруг, заставляя все расти, ангел же по-прежнему жил себе и жил на альпийской горке с красивыми растениями, словно ничего вообще не случилось.

ТЕМНОТА

За русской церковью виднеется пропасть. Мох и мусор — скользкие, а глубоко внизу валяются колючие консервные банки и светятся. Они с незапамятных времен собирались горами, все больше и больше, прямо против темно-красного длиннющего дома без окон. Красный дом расплзается вокруг горы, и очень важно то, что он без окон. За домом раскинулась гавань — тихая и без единой лодки. Маленькая деревянная дверца на склоне горы ниже церкви всегда заперта.

¹ *Агнец* — жертвенное животное.

— Не дыши, когда пробегаешь мимо этой дверцы, сказала я Поюу. — А не то оттуда вылезут гнилостные бактерии и заберут тебя.

У Поюу вечно насморк. Он играет на пианино и постоянно держит руки перед собой так, словно боится, что на него нападут, или же словно просит прощения. Я вечно пугаю его, а он вечно тащится за мной, чтобы я его пугала.

Как только наступают сумерки, какое-то громадное серое существо начинает наползать на гавань. У этого существа нет лица, зато есть отчетливо различимые руки, которыми оно, пока ползет, накрывает один остров за другим. Когда острова кончаются, существо это простирает над водой руку, чрезвычайно длинную руку, которая чуть дрожит, и начинает нащупывать Сорочий мыс. Пальцы тянутся к русской церкви и касаются горы.

Ой! Какая большая серая рука!

Я знаю, что ужаснее всего на свете. Это каток. У меня есть шестиугольная эмблема катка, крепко пришитая к курточке. Ключ от коньков висит на шее на шнурке от ботинка. Когда спускаешься вниз, на лед, каток кажется всего лишь маленьким браслетиком света далеко-далеко в темноте. А гавань представляется морем голубого снега, и одиночества, и грустного свежего воздуха.

Поюу не бежит на коньках, потому что у него подкашиваются ноги, но мне кататься необходимо. За катком таится ползущее существо, а вокруг катка — кольцо черной воды. Вода дышит вокруг ледяной черной кромки, она медленно шевелится, а иногда со вздохом поднимается и переливается через край на лед.

Когда можно спастись на катке, никакая опасность уже не страшна, правда становится очень грустно.

Сотни черных человеческих фигур катаются кругом, все вокруг да вокруг, все в одну и ту же сторону, решительно и бессмысленно, а посреди катка сидят в брезентовой палатке два замерзших старичка и играют. Они играют танго на мелодию популярного шлягера «Рамона».

Я часто бываю на катке. Холодно. Из носа течет, а когда вытираешь его, на варежках появляются сосульки. Коньки надо плотно прикрепить к каблукам. Там есть обитое железом отверстие, и туда вечно набивается множество мелких камешков. Я выковыриваю их оттуда ключом от коньков. Затем еще эти негнущиеся

ремешки, которые крепятся каждый в свое отверстие. А потом я катаюсь на катке по кругу вместе с другими ребятами, чтобы подышать свежим воздухом и потому что эмблема катка — знак того, что ты умеешь кататься на коньках, — ценится очень высоко. Пугать здесь некого, все катаются быстрее меня, на катке только и слышны что скрип да скрежет, когда незнакомые тени проезжают мимо.

Лампочки качаются на ветру. Но даже если они погаснут, мы будем по-прежнему кататься в темноте, все по кругу да по кругу, а музыка будет играть не переставая, и мало-помалу проход во льду вокруг нас, проделанный ледоколом, будет становиться все шире, он начнет зиять и дышать еще сильнее, и вся гавань превратится в сплошную черную воду с одиноким островком льда, где мы по-прежнему будем кататься веки вечные, аминь.

Рамона — писаная красавица и бледна, как невеста Грома. Детям она запрещена. Но невесту Грома я видела в музее восковых фигур. Мы с папой любим музей восковых фигур. Рамону убило молнией как раз в тот момент, когда она собралась выйти замуж. Молния ударила в миртовый венец Рамоны и вылетела через окно. Вот почему невеста Грома стояла босая, и можно было заметить множество голубых кривых линий на подошвах ее ног, откуда вылетела из тела молния. В музее восковых фигур видно, как легко уничтожить людей. Их можно раздавить, разорвать пополам и даже распилить на куски. Никто не может быть в чем-то точно уверен, и поэтому так важно вовремя поискать надежное убежище.

Я обычно пою для Пойу грустные песни. Он, хотя и затыкает уши руками, все равно слушает. «Жизнь — это остров скорби и печали, не успеешь век прожить, тут и смерть пришла — поминай как звали!» Остров скорби и печали — это каток. Мы нарисовали его, сидя под обеденным столом. Пойу рисовал с линейкой. Он рисовал каждую доску в заборе и лампочки на одинаковом расстоянии друг от друга, и карандаш его был чересчур жестким. Я рисовала только черным карандашом № 4Б. Рисовала либо мрак на льду, либо проход во льду, либо тысячу черных человеческих фигур на скрипучих коньках, которые бегали по кругу. Он не понимал, что я рисую, и тогда я брала красный карандаш и шептала: «Следы крови! Следы крови на всем катке!» И Пойу кричал, пока я переносила исполненные жестокости картинки на

бумагу так, чтобы они не могли коснуться меня и чем-нибудь навредить.

Однажды в воскресенье я научила его, как избавиться от змей, которые обитают в большом плюшевом ковре. Единственное, что нужно делать, — это ходить по его светлым краям, и только по светлым узорам. Если наступишь рядом на коричневый узор — ты пропал. Там, внизу, змеи так и кишат, это описать невозможно, это можно только представить. Каждый может придумать себе свою собственную змею, потому что чужая никогда не будет такой ужасной.

Пойу балансировал по ковру мелкими-премелкими шажками, держа руки перед собой, и жалобно размахивал большим мокрым носовым платком.

— Теперь светлые узоры будут совсем узенькими. Берегись и попытайся перепрыгнуть через этот темный цветок в середине ковра!

Цветок за спиной Пойу был положен косо, и узор, утончаясь, переходил в завиток. Пойу тщетно пытался удержать равновесие и отчаянно размахивал носовым платком. Он закричал, а потом упал прямо на коричневый узор. Он все кричал и кричал и катался по ковру, потом оказался на полу и забился под шкаф.

Я тоже кричала, ползла за ним следом, обхватив его руками, и держала, пока он не успокоился.

Незачем заводить плюшевые ковры, они опасны. Куда лучше жить в мастерской художника, где пол цементный. Поэтому Пойу вечно рвется в наш дом.

Мы копаем тайный ход через стену. Я успела выкопать довольно много и работаю, только когда дома никого нет.

Деревянная панель мало-мальски поддалась, и тогда я взялась за мраморный молоток. Дыра, проделанная Пойу, гораздо меньше, да и у отца этого мальчишки такие скверные инструменты, что просто стыд и срам.

Каждый раз, когда в доме никого нет, я приподнимаю тканые обои и колочу дальше, и никто даже не заметил, что я делаю. Это мамины тканые обои, которые она в молодости нарисовала на мешковине. На рисунке изображен вечер. Прямые стволы деревьев поднимаются из болота, а за стволами небо багровое, потому что солнце садится. Все, кроме неба, потемнело, превратившись

в какой-то неопределенный серо-бурый цвет, но узкие красные полосы пламенеют как огонь. Я люблю этот мамин рисунок. Он глубоко проникает в стену, глубже, чем моя дыра, глубже, чем гостиная в доме Пойу, он проникает в стену до бесконечности, и никогда ему оттуда не выйти и не увидеть, как садится солнце, а багрянец, окрасивший небо, на рисунке становится лишь еще ярче. Я думаю, что там горит... Там горит большущий, ужаснейший пожар, такой пожар, в ожидании которого вечно живет папа.

В первый раз, когда папа показал мне свой пожар, была зима. Папа шел впереди по льду, а мама шла сзади и тащила меня на санках. Небо было таким же багряным, как и на картине, и так же чернели фигуры людей, которые бегали. Но случилось что-то ужасное. На льду лежали черные колющие вещи. Папа собрал их и положил мне на руки, они были очень тяжелые и давили мне на живот.

«Взрыв» — красивое слово, очень большое и емкое. Позднее я научилась другим словам, таким, которые шепчут, только когда остаются одни: «Неумолимый. Орнаментика. Профиль. Катастрофичный. Наэлектризованный. Лавка Колониальных Товаров».

Слова эти становятся еще крупнее, если их повторять множество раз. Их шепчешь и шепчешь без конца, и каждое слово все растет и растет до тех пор, пока ничего иного, кроме этого слова, не остается.

Я все думаю, почему пожар всегда бывает ночью? Может, папа не обращает внимания, когда пожар бывает днем, потому что небо тогда не становится багровым. Папа всегда будил нас, когда случался пожар, и мы слышали, как воеет пожарная машина; надо было спешить, и мы бежали по совершенно пустынным улицам. Дорога к папиному пожару была ужасно длинной. Все дома спали, простирая трубы к багровому небу, которое все приближалось и приближалось, и в конце концов мы оказывались там, где горело, и папа поднимал меня на руки и показывал огонь. Но иногда это был плохонький, маленький пожарец, который давным-давно погас, и тогда папа обижался, бывал подавлен, и приходилось его утешать.

Маме нравятся только маленькие пожары, которые она устраивает тайком в пепельнице. А еще огонь в печке или в камине. Она разводит огонь в мастерской и в коридоре каждый вечер, когда папа выходит поискать знакомых.

Когда огонь разгорается, мы подтаскиваем к нему большое кресло. Мы гасим свет в мастерской и сидим перед огнем, а мама начинает рассказывать: «Жила-была маленькая девочка, такая ужасно красивая, и ее мама так жутко любила ее...» Каждая история должна начинаться одинаково, а потом уже необязательно рассказывать так уж точно. Мягкий медленный голос звучит в теплой темноте, а ты смотришь в огонь, и никакая опасность на свете не грозит тебе. Все иное где-то снаружи и не может войти в дом. Ни теперь, ни когда-нибудь потом.

У мамы длинные темные волосы, они окутывают ее, словно облако, они вкусно пахнут, они как у печальных королей в моей книге. Самая красивая картинка занимает целую страницу. На картинке изображен ландшафт в сумерках — равнина, поросшая лилиями. По всей равнине бродят бледные королевы с лейками. Та, что ближе всех, невероятно красива. Ее длинные темные волосы мягкие, словно облако, и художник осыпал их блестками, возможно, покрыл их краской, когда все уже было готово. Профиль королевы мягок и серьезен. Всю свою жизнь она ходит в этой книге и только и делает, что поливает цветы, и никто не знает, какая она красивая и печальная. Лейки нарисованы настоящей серебряной краской, а откуда издательство выискала на это средства, не понимаем ни мама, ни я.

Мама часто рассказывает о Моисее, о том, как его нашли в тростнике и что было потом; об Исааке и о народе, который тоскует по дому, по своей собственной стране, который сбивается с пути, блуждая по пустыне, а потом находит дорогу; о Еве и змие в раю и о страшных ураганах, которые наконец-то успокаиваются. Большинство людей, во всяком случае, тоскуют по дому и чуточку одиноки, они прячутся в своих собственных волосах, и их превращают в цветы. Иногда их превращают в лягушек, и Бог не спускает с них глаз и прощает их, если только не рассержен и не оскорблен и не уничтожает целые города за то, что жители их веруют в других богов.

Моисей тоже время от времени бывал несдержан. Женщины же только и делали, что томились в ожидании и тосковали о доме. «О, я поведу тебя в твою собственную страну или какую только ты захочешь во всем мире, и нарисую блестки в твоих волосах, и выстрою тебе замок, где мы будем жить, пока не умрем, и никогда-никогда не предадим друг друга!» А в глухом и дремучем

ДОЧЬ СКУЛЬПТОРА

бескрайнем лесу, «где было раздолье ветрам и тучам», брел однажды всю ночь напролет маленький ребенок, и ночь была такая длинная, лес такой темный, а дорога узкая, и ребенок шел и плакал от одиночества, плакал и думал:

Ужель никогда я
Жилья отца не найду, блуждая,
В непроходимом этом бору
От жажды и голода я умру¹.

Очень обнадеживающе! Так бывало, когда мы оказывались уже в безопасности, заперев двери дома.

Папины скульптуры медленно шевелились вокруг нас при свете огня, его печальные белые женщины делали осторожные шаги и все как одна готовы были убежать. Они знали об опасности, которая таится повсюду, но ничто не могло их спасти, прежде чем скульптуры не вырубят из мрамора и не поместят в музей. Там они будут в безопасности. В музее, или где-нибудь на высоте в целую сажень, или в дупле дерева. Но по возможности под крышей. Однако лучше всего, вероятно, сидеть на высоком дереве, если только ты не лежишь еще в животе у мамы.

КАМЕНЬ

Он лежал между кучей угля и товарными вагонами под несколькими обломками досок, и просто чудо Божье, что никто не нашел его раньше меня. С одной стороны камень весь сверкал серебром, а если стереть угольную пыль, то видно, что серебро прячется и внутри камня. Это был гигантский камень из чистого серебра, и никто еще не нашел его.

Я не посмела спрятать его, ведь кто-нибудь мог подсмотреть, подойти и унести его, пока я сбегаю домой. Камень пришлось катить. И если бы кто-нибудь появился, чтобы помешать мне, я уселась бы на камень и закричала благим матом. Я могла бы укусить тех, кто попытался бы поднять камень. Я была способна на все.

¹ Популярная в Финляндии и Швеции песня, использованная также в рассказе Астрид Линдгрэн «Рождество в Смоланде в давние-предавние дни» (пер. М. Яснова).

И вот я начала катить камень, медленно-медленно. Он только опрокидывался на спину и тихо лежал, а когда я снова попыталась поднять его, он улегся на живот и закачался. Серебро сошло с него, и остались мелкие тоненькие шелушинки, которые застревали в земле и разваливались, когда я пробовала выковырять их оттуда.

Я встала на колени и покатила камень, дело пошло лучше. Но камень поворачивался лишь на пол-оборота зараз, и это отнимало ужасно много времени. Пока я катила камень вниз, в гавани, никто не обращал на меня внимания. Когда же я перетащила камень на тротуар, стало труднее. Люди останавливались, и стучали своими зонтами о тротуар, и говорили множество разных слов. А я ничего не отвечала, я только смотрела на их ботинки. Надвинув шапочку на глаза, я только все катила и катила камень, думая, что потом придется перетаскивать его через улицу. Я катила камень уже много часов подряд и ни одного-единственного раза не подняла глаз и не слышала ничего из того, что мне говорили. Я только смотрела на серебро, присыпанное сверху угольной пылью, и на прочую грязь и старалась занять как можно меньше места там, где ничего другого, кроме камня и меня, не было. Но вот наконец пора было перетаскивать камень через улицу.

Одна машина за другой проезжали мимо, а иногда и трамвай, и чем дольше я ждала, тем труднее было катить камень по улице.

В конце концов ноги мои начали дрожать, и тогда я поняла, что слишком поздно, что уже через несколько секунд будет слишком поздно, поэтому я столкнула камень в водосточную канаву и очень быстро покатила, не поднимая глаз.

Я держала камень как раз перед самым носом, чтобы пространство, в котором мы с ним укрывались, было поменьше, и очень хорошо слышала, как останавливались и злились автомобили, но я держала их на расстоянии и только все катила и катила камень. Можно совершенно отключиться, если что-то для тебя действительно важно. Тогда все хорошо. Сжимаешься и закрываешь глаза и все время произносишь одно важное слово, произносишь его до тех пор, пока не почувствуешь уверенность в себе.

Когда я подошла к трамвайным рельсам, я уже настолько устала, что навалилась на камень, держась за него. Но трамваи только и делали, что звонили и звонили без конца, да так, что мне

пришлось катить камень дальше, и теперь я больше не боялась, а только злилась и от этого чувствовала себя гораздо лучше.

Вообще-то, камень и я занимали так мало места, что ровно ничего не значило, кто кричал и что кричали все эти люди. Мы с камнем были ужасно сильными. Мы снова как ни в чем не бывало выкатились на тротуар и продолжали подниматься в гору по улице Лотсгатан. За нами тянулась узкая дорога, вся из чистого серебра. Иногда мы с камнем отдыхали, а потом снова продолжали путь.

Мы вошли под арку ворот и открыли дверь, а потом начались лестничные марши. Но если встаешь на колени и все время крепко держишь камень обеими руками и ждешь, пока установится равновесие, все получается. Затем поднатуживаешься, затаиваешь дыхание и прижимаешь запястья к коленям. Потом поднимаешь камень вверх быстро-быстро — и через край ступеньки, и живот снова расслабляется, а ты прислушиваешься и ждешь, но подъезд совершенно пустой. А потом все снова происходит точно так же.

Когда за поворотом лестница становится узкой, нам приходится переместиться к стенке. Мы медленно поднимаемся наверх, но никто так и не появляется. Тут я снова наваливаюсь на камень и только пытаюсь отдышаться и смотрю на серебро. Серебро, которое стоит так много миллионов. Еще только четыре этажа, и мы у цели.

На пятом этаже это и произошло. Рука в варежке соскользнула, я упала вниз лицом и лежала абсолютно тихо, слушая ужасающий звук падающего камня. Звук становился все громче и громче, камень разбивался на мелкие кусочки, и сокрушал, и пугал всех и вся, а под конец — глухой звук тяжелого, неловкого падения — «бум», как в Судный день, когда камень ударился о ворота Немезиды¹.

Настал конец мира, и я закрыла глаза варежками. Но ничего не произошло. Громкое эхо поднялось наверх и спустилось вниз по лестнице, но ничего не произошло. Никакие злые люди не вы-

¹ *Немезида* — в греческой мифологии богиня, наблюдающая за справедливым распределением благ среди людей и обрушивающая свой гнев на тех, кто преступает Закон.

глянули из своих дверей. Но, быть может, они подслушивали у дверей в своих квартирах.

Я снова поползла вниз на четвереньках. У каждой ступеньки были отбиты кусочки в виде маленького полукруга. Гораздо ниже это были уже большие полукруги, и куски камня валялись повсюду и таращили на меня глаза. Я откатила камень вниз от ворот Немезиды и начала все с самого начала. Мы снова двинулись наверх, стойко и не глядя на разбитые ступеньки. Мы прошли мимо места, где камень сорвался, и немного отдохнули перед балконной дверью, темно-коричневой, с мелкими квадратными стеклышками.

И тут я услышала, что дверь на улицу открылась и снова хлопнулась, а кто-то стал подниматься по лестнице. Этот кто-то все шел и шел очень медленными шагами. Я подползла к перилам и глянула вниз. Я увидела весь лестничный пролет до самого дна, увидела длинный узкий прямоугольник, который до самого низу был зашнурован лестничными перилами, а по перилам, крепко сжимая их, шествовала, все приближаясь и приближаясь, большая рука. На руке — посредине — было пятно, так что я узнала татуированную руку дворника, поднимавшегося по лестнице, скорее всего, на самый верх, на чердак.

Я открыла как можно тише балконную дверь и начала перекачивать камень через порог. Порог был высокий. Я перекачивала бездумно, я очень боялась и поэтому не удержала камень, и он покатился наискосок к дверной щели и застрял... Там было две двери, и у каждой наверху — по металлической пружине, которые поставил дворник, потому что женщины всегда забывали закрывать двери. Я слышала, как пружины сжимаются, медленно насадая на камень и на меня. Они пели очень тихими голосами. Я подтянула ноги, бросилась на камень, схватила его и попыталась катить, но пространство становилось все уже и уже, а я знала, что рука дворника все время скользит по перилам лестницы.

Совсем близко видела я серебристый камень, и я вцепилась в него, и толкала его, и упиралась ногами... И тут вдруг он опрокинулся, покатился и, сделав несколько оборотов, нырнул под железные перила, повис в воздухе и исчез.

Я видела лишь клочья пыли, легкие и воздушные, как пух, и кое-где мелкие жилки краски.

Я лежала, распростершись на животе, дверь зажала меня, и было совершенно тихо до тех пор, пока камень не упал на двор. И там он разбился на куски, как метеорит, он покрыл серебром все мусорные баки, и баки, где кипятилось грязное белье, и все окна и лестницы! Камень посеребрил весь дом № 4 по улице Лотсгата, когда, расколовшись вдребезги, открыл свое сердце, и все женщины кинулись к окнам, думая, что разразилась война или настал Судный день! Каждая дверь отворилась, а все жители дома во главе с дворником забегали вверх-вниз по лестницам и увидели, что какое-то чудовище отбило по куску от каждой ступеньки, а с неба упал метеорит.

Я лежала, зажата между дверями, и так ничего и не сказала. Ничего не сказала я и потом. Никто так и не узнал, как близки мы были к тому, чтобы разбогатеть.

ПИРУШКА

Иногда я просыпалась по ночам от звуков прекраснейшей музыки, какая только есть на свете, и это были звуки балалайки и гитары. Папа играл на балалайке и на гавайской гитаре, оба инструмента звучали вместе, очень тихо, почти шепотом, пребывая где-то далеко-далеко, а потом звуки все приближались и приближались, уступая место друг другу, так что иногда пела балалайка, а иногда гитара.

Это были нежные и меланхолические песни о всяких-разных делах, которые все только продолжают и продолжают и с которыми никто ничего не может поделать. Затем песни становились дикими и смутными, а Маркус всякий раз вдребезги разбивал свой бокал. Однако он никогда не разбивал больше одного, и папа следил за тем, чтоб он пил из недорогого бокала. Наверху, под потолком над антресолями, где я спала на нарах, нависал туман табачного дыма, еще усиливавший ощущение нереальности. Мы плыли в море или, быть может, оказывались среди высоких гор, и я слышала, как гости и отец перекликались меж собой сквозь дымную завесу и как падали разные вещи, а под аккомпанемент тихих звуков балалайки и гитары слабее или сильнее ударялись о берег волны.

Я люблю папины пирушки. Они могут тянуться много ночей подряд, и мне нравится просыпаться и снова засыпать и чувство-

вать, как убаюкивают меня дым и музыка, а потом вдруг раздаётся внезапный вопль, пронзающий холодом сквозь тепло, вплоть до самых ступней ног.

Смотреть на все это не стоит, потому что тогда исчезает то, что придумываешь сам. Так бывает всегда. Ты смотришь на них сверху, а они сидят на диване и на стульях или медленно ходят по гостиной. Кавен¹, друг отца, художник, сидит скрючившись над гитарой, словно пытаюсь спрятаться в ней, его лысая голова плавает, будто бледное пятно, в тумане, и он опускается все глубже и глубже. Папа очень статный, он смотрит прямо перед собой. Другие иногда спят — от пирушки очень устаешь, но домой они не уходят, потому что важно попытаться заснуть последним. Папа обычно выигрывает пари и засыпает позже всех. Когда все остальные спят, он бодрствует и смотрит и думает до самого утра.

Мама не пирует с ними, она следит за тем, чтобы керосиновая лампа не коптила в спальне. Спальня — это наша единственная настоящая комната, кроме кухни; я имею в виду, что там есть дверь. Но там нет печки. Поэтому керосиновая лампа горит всю ночь. Если откроешь дверь, то табачный дым проникает в комнату и у Пера Улофа начинается приступ астмы. С тех пор как у меня появился братик, с пирушками стало гораздо труднее, но папа с мамой пытаются все-таки устроить все самым наилучшим образом.

Самое красивое — это стол. Иногда я встаю и смотрю на этот стол через балюстраду и щурюсь, и тогда начинают мерцать бокалы, и свечи, и все вещи, наплывающие друг на друга и составляющие единое целое, как на картине. Цельность — это очень важно.

Некоторые только изображают вещи, забывая о цельности. Я уже знаю совсем немало. Я знаю много такого, о чем не рассказываю.

Все мужчины пируют, и они между собой товарищи, которые никогда друг друга не предадут. Товарищ может говорить тебе ужасные вещи, но назавтра все это забыто. Товарищ не прощает, он просто забывает, а женщина — она все прощает, но не забывает никогда. Вот так-то! Поэтому женщинам пировать нельзя. Очень неприятно, если тебя прощают.

¹ *Алвар Кавен* (1886–1935) — известный финский художник.

Товарищ никогда не говорит ничего умного, что стоит повторить на следующий день. Он только знает, что уже ничего такого важного нет.

Однажды папа и Кавен играли с пультом, который может запустить аэроплан. Я не думаю, что Кавен понимал, как действует этот пульт, потому что он выстрелил не в ту сторону, и самолет врезался в руку художника так, что пропеллер пробил ее насквозь. Это было ужасно, и кровь залила весь стол, и Кавен не мог даже надеть пальто, потому что самолет не влезал в рукав. Папа утешал Кавена, он поехал с ним в больницу, где пропеллер отщипнули клещами, а самолет отправили в больничный музей.

На пирушке может случиться все что угодно, если делаешь что-то, прежде не подумав.

Мы никогда не пируем в мастерской, а только в гостиной. Там два высоких сводчатых окна наверху и вся бабушкина и дедушкина мебель из березы с завитушками. Это напоминает маме о стране¹, где все обстоит так, как должно быть.

Вначале мама очень боялась пирушек и расстраивалась из-за дыр, прожженных сигаретами, и кругов на столе, оставленных бокалами, но теперь она знает, что это патина², которая со временем непременно появляется.

Мама прекрасно устраивает пирушки. Она не выставляет все сразу на стол и никогда не приглашает гостей. Она знает: единственное, что создает настроение, — это импровизация. «Импровизация» — красивое слово. Папе приходится выбираться на улицу и искать знакомых. Они могут найтись где угодно и когда угодно. Иногда их нет вовсе. Но чаще они есть. И тогда появляется желание куда-то пойти. Вот они куда-то и причаливают. Это важно.

Потом нам говорят, чтобы мы мимоходом заглянули, нет ли чего-нибудь в кладовке. И ты тихонько идешь и заглядываешь туда, а там чего только нет! Ты находишь там и дорогие колбасы, и бутылки с вином, и каравай хлеба, и масло, и сыр, и даже воду «Виши» и несешь все это в комнату. Это и есть «импровизация». У мамы уже все готово.

¹ Мать Янссон приехала в Финляндию из Швеции. Вероятно, эта страна и имеется здесь в виду.

² *Патина* — образующийся от времени налет на старинной бронзе. Здесь имеется в виду неизбежность происходящего.

Вообще-то, вода «Виши» опасна. От нее пучит живот, и от этого становишься очень грустным. Эту воду никогда ни с какой другой смешивать нельзя.

Постепенно все свечи на балюстраде гаснут, и стеарин капает на диван в гостиной. После музыки начинаются воспоминания о войне¹. Тогда я немножко жду под одеялом, но всегда поднимаюсь снова, когда они нападают на плетеное кресло. Папа снимает свой штык, висящий над мешками с гипсом в мастерской, и все вскакивают и орут, и тогда папа нападает на плетеное кресло. Днем оно прикрыто тканым ковром, так что даже не увидишь, какое оно. После нападения на кресло папа больше не хочет играть на балалайке. А потом я только сплю.

Назавтра гости все еще здесь и пытаются говорить мне приятные слова. «С добрым утром, прекрасного дня, милая девица, веселая утренняя звезда». Мама получает подарки. Руококоски² подарил ей как-то четверть килограмма масла, а однажды она получила от Саллинена³ целых два десятка яиц.

Утром очень важно не начинать уборку слишком рано. И если впустить в комнаты печальный свежий воздух, кто угодно может простудиться или прийти в дурное настроение. Важно, чтобы переход к новому дню был очень медленным и ласковым. При дневном свете все видится совсем иначе, и, если разница слишком велика, можно все испортить. Нужно мирно расхаживать и ощупывать все своими руками и думать о том, чего тебе, собственно говоря, хочется.

А хочется всегда, каждый день, но ты по-настоящему не знаешь, чего тебе хочется. Но под конец думаешь, что, может, тебе хочется селедки. И тогда ты заходишь в кладовку и смотришь, а там и в самом деле лежит селедка.

Затем день медленно движется вперед, и наступает новый вечер, и, быть может, зажгут новые свечи. Все ужасно боятся друг друга, они ведь знают, как мало нужно, чтобы утратить равновесие и поссориться.

Я ложусь спать и слышу, как папа настраивает балалайку. Мама зажигает керосиновую лампу. У нас в спальней окно — совер-

¹ Вероятно, речь идет о Первой мировой войне.

² Йозель Ялмари Руококоски (1886–1936) — финский художник-импрессионист, известный в том числе серией портретов, написанных в основном в 1910-х годах.

³ Юко Саллинен (1879–1955) — художник из круга Виктора Янссона, отца Туве Янссон.

шенно круглое. Ни у кого больше нет круглого окна. Оттуда можно смотреть через все крыши и через гавань, и все окна в поле зрения становятся черными, кроме одного. Это окно под большим пустым брандмауэром Виктора Эка¹. Свет горит там всю ночь. По-моему, там тоже пируют. А может, иллюстрируют книги.

АННА

Как прекрасно было смотреть на Анну.

Волосы Анны росли как жесткая, но сочная трава, они торчали, словно обрубленные, во все стороны, и в них было столько жизни, что просто искры летели. Ее брови были такие же черные и густые, как волосы, и срастались на переносице, нос — плоский, а щеки — очень румяные.

Когда она мыла посуду, ее руки походили на столбы, опущенные в воду. Она была красива.

Когда Анна моет посуду, она поет, а я сижу под кухонным столом и пытаюсь выучить слова ее песни. Я дошла до тринадцатой строфы песни об Яльмаре и Хульде, а, собственно говоря, только тогда и начинают развиваться события.

«И тогда входит Яльмар в ратных доспехах, и арфы поспешно смолкают, взбешенный, идет он к вероломной невесте и невестин венец со светло-каштановых ее волос сильной рукою срывает; бледная, словно на смертном одре, смотрит Хульда со страхом безумным в трепещущей груди на дрожащую от жажды мести руку возлюбленного...»

Тут-то и содрогаться от страха, и это так прекрасно. Точь-в-точь как когда Анна говорит: «Выйдите ненадолго, потому что сейчас я заплачу», — это так прекрасно!

Возлюбленные Анны тоже часто являлись в ратном облачении. Больше всего мне нравился драгун в красных штанах и с шитьем на мундире, драгун был такой красивый. Он всегда отставлял свою саблю в сторону. Иногда она падала на пол, и я слышала бряцанье даже наверху, на моих антресолях, и думала о его длинной, дрожащей, отмщающей руке. Затем он исчез, а у Анны появился новый возлюбленный, который был Человеком Мыслящим. Поэтому он ходил на лекции и слушал про Платона и презирал папу, читавшего газеты, и маму, читавшую романы.

¹ Виктор Эк (1858–1922) — владелец известной фирмы по перевозке вещей.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>ДОЧЬ СКУЛЬПТОРА. Автобиографическая повесть</i> <i>Перевод Л. Брауде</i>	5
УМЕЮЩАЯ СЛУШАТЬ. Рассказы	
<i>Умеющая слушать. Перевод Л. Брауде</i>	97
<i>Разгружать песок... Перевод Л. Брауде</i>	107
<i>День рождения. Перевод Л. Брауде</i>	111
<i>Спящий. Перевод Л. Брауде</i>	116
<i>Черное на белом. Перевод Н. Беляковой</i>	122
<i>Письмо идолу. Перевод Н. Беляковой</i>	130
<i>Любовная история. Перевод Н. Беляковой</i>	137
<i>Другой. Перевод Л. Брауде</i>	143
<i>По весне. Перевод Л. Брауде</i>	149
<i>Тихая комната. Перевод Л. Брауде</i>	152
<i>Буря. Перевод Л. Брауде</i>	156
<i>Серый шелк. Перевод Л. Брауде</i>	160
<i>Проект предисловия. Перевод Л. Брауде</i>	164
<i>Волк. Перевод Л. Брауде</i>	166
<i>Дождь. Перевод Л. Брауде</i>	175
<i>Взрыв. Перевод Л. Брауде</i>	179
<i>Друзья Лучо. Перевод Л. Брауде</i>	187
<i>Белка. Перевод Л. Брауде</i>	193
ИГРУШЕЧНЫЙ ДОМ. Рассказы	
<i>Обезьяна. Перевод Л. Брауде</i>	213
<i>Игрушечный дом. Перевод Л. Горлиной</i>	218
<i>Понятие о времени. Перевод Л. Брауде</i>	230

СОДЕРЖАНИЕ

Локомотив. <i>Перевод Л. Брауде</i>	237
В городе Хило, штат Гавайи. <i>Перевод Л. Горлиной</i>	255
В чужой стране. <i>Перевод Л. Горлиной</i>	271
Тот, кто иллюстрирует комиксы. <i>Перевод Л. Брауде</i>	283
White Lady. <i>Перевод Л. Горлиной</i>	300
Искусство на природе. <i>Перевод Л. Горлиной</i>	311
Главная роль. <i>Перевод Л. Горлиной</i>	317
Дитя цветов. <i>Перевод Н. Беляковой</i>	325
Великое путешествие. <i>Перевод Л. Брауде</i>	331
ЧЕСТНЫЙ ОБМАН. <i>Повесть</i>	
<i>Перевод Н. Федоровой</i>	343
КАМЕННОЕ ПОЛЕ. <i>Повесть</i>	
<i>Перевод А. Афиногеновой</i>	451
ПУТЕШЕСТВИЕ НАЛЕГКЕ. <i>Рассказы</i>	
Переписка. <i>Перевод Н. Беляковой</i>	503
Восьмидесятилетие. <i>Перевод Л. Брауде</i>	507
Дачник. <i>Перевод Н. Беляковой</i>	518
Чужой город. <i>Перевод Н. Беляковой</i>	533
Женщина, одолжившая память. <i>Перевод Л. Брауде</i>	539
Путешествие налегке. <i>Перевод Н. Беляковой</i>	550
Райский сад. <i>Перевод Л. Брауде</i>	561
Shopping. <i>Перевод Л. Брауде</i>	592
Лес. <i>Перевод Л. Брауде</i>	600
Смерть учителя гимнастики. <i>Перевод Л. Брауде</i>	603
Чайки. <i>Перевод Л. Брауде</i>	616
Оранжевая. <i>Перевод Н. Беляковой</i>	626